

РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ НАУКИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ

Черныш Михаил Фёдорович

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр РАН, Москва, Россия
mfche@yandex.ru

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.2

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются теоретико-методологические аспекты реформирования российской науки. В основу реформирования был положен ряд идей (мифов), которые должны были повысить эффективность российской науки, сформировать институциональную структуру, схожую со структурой науки и образования в наиболее развитых странах. «Сакральная», мифологическая составляющая российских реформ не имела опоры в тех традиционных практиках, которые формировались в российском научном сообществе на протяжении нескольких столетий. В плане реформ не учитывалась специфика разъединения науки и образования, исторически сложившаяся в России, помогающая концентрировать научные ресурсы в наиболее эффективных направлениях и институциях. Негативную роль сыграл миф о «глобальности науки», подразумевающий взаимодополнение и взаимодействие научных проектов в разных странах. В этом универсалистском мифе не нашли отражения различия между «науками о природе» и «науками о духе». «Сакральные» представления о западной науке как идеальном механизме селекции научных достижений привели к тому, что в предлагаемых наукометрических индикаторах были проигнорированы интересы учёных социогуманитарных направлений. Реализуемые реформы таят в себе опасность ослабления российской науки, её кадрового потенциала и реализуемой ею научной программы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

российская наука; реформа российской науки; институциональное проектирование; научно-технологическая политика; управление наукой; «утечка мозгов».

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Черныш М. Ф. Реформа российской науки как институциональное конструирование // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2. № 2. С. 47–64.
DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.2

Российский учёный Питирим Сорокин выдвинул в одной из своих работ концепцию институциональной интеграции, подразумевающую взаимную настройку социальных институтов, их «гомологию», относящуюся к свойственной им нормативной культуре, включая соотношение норм формальных и неформальных [1]. Эта идея, развитая впоследствии Парсонсом в одну из ключевых парадигм современной общественной науки, позволяет утверждать, что социальный порядок в большинстве случаев стремится к внутренней однородности, сопротивляется в тех случаях, когда в нём появляются очаги стабильности или нестабильности, радикально отличающиеся по своему качеству от всех остальных [2]. В основе социального порядка, считал Парсонс, лежат консолидирующие общество ценности, не вечные, раз и навсегда данные, а меняющиеся содержательно и структурно. Чем слабее влияние общих ценностей, чем менее они являются общими, тем менее устойчив социальный порядок и больше принуждения требуется для его воспроизводства.

В России в постреформенный период возник и утвердил себя порядок взаимного недоверия. Результаты исследования свидетельствуют о том, что большинство населения не доверяют ключевым институтам власти – Верховному суду, с лёгкостью подстраиваемому под желания власти, Государственной думе, голосующей вопреки Конституции за законы, заведомо ухудшающие положение населения, правоохранительным органам, в которых, как полагают граждане, цветёт коррупция и вседозволенность. Но и политики, люди населяющие политические институты, не доверяют населению, его способности разумно судить о существующем порядке и поддерживать именно те альтернативы, которые могут привести к его улучшению. В российских элитах возобладала концепция «единственного европейца» – управленца, демонстрирующего показное желание привести, зачастую принудительно, население к поведенческой норме, якобы характерной для более развитых, более успешных стран. При этом, судя по многочисленным свидетельствам, российские управленцы рассматривают население как человеческий материал, заведомо ущербный, не способный делать разумный выбор, склонный к насилию, а потому нуждающийся в «сильной руке». Логика «единственного европейца» подразумевает «присаживание» на российскую почву нормативных систем, принятых на Западе и, соответственно, отмену собственных институтов, пусть даже работающих, которые априорно, по факту своего произрастания на российской почве, признаются негодными. Как правило, «присаживание» осуществляется в специфической форме, исключающей любые консультации или обсуждение с теми, кому в этом нормативном порядке придётся жить.

Финский социолог Маркку Кивинен полагает, что притязания российской власти на понимание общего блага восходят корнями к раннему советскому периоду, когда всё российское отрицалось как «эксплуататорское», «белогвардейское», «архаичное» [3]. Кивинен рассматривает процесс «при-

саживания», следуя той схеме, которую предложил в своих работах Эмиль Дюркгейм: идеальный образец, сакральный для действующей власти, сталкивается с профанной действительностью, воплощённой в устойчивых культурных паттернах поведения. Под влиянием конкретных практик, которые сформированы годами и настроены на то, чтобы обеспечить выживание, «сакральное» редко, если вообще когда-либо, сохраняет свой изначальный посыл и логику. В результате возникает то, что можно с известной долей условности назвать «гибридным» институтом, имеющим форму, заимствованную из идеального образца (за этим внимательно следит «единственный европеец»), но содержательно ориентированную на принцип реальности, на то, что может находиться и находится в границах возможного.

Значительную роль в процессе «присаживания» играет собственный интерес политического класса. Зачастую оказывается, что институциональные формы, которые доходят до низов, напоминают изначальный образец лишь по форме, а в практическом ключе следуют, во-первых, требованиям целесообразности так, как она понимается в конкретный отрезок времени, а, во-вторых, сохраняют в неприкосновенности иерархии господства и подчинения, находящиеся в согласии с отечественной традицией. За примерами того, как это в реальности происходит, не надо ходить далеко. В России в рамках реформы образования внедрена так называемая Болонская система, по конструкции напоминающая стандарт высшего образования, характерный для европейского университета. Однако при всём этом к этой конструкции привиты несколько российских культурных практик, существенно изменивших её природу. Стандарты высшего образования задаются, как и в прошлом, не внешними по отношению к университету рынками, а министерскими указаниями. В них расписано вплоть до буквы, кому и как необходимо учить студентов, какими знаниями или, выражаясь современным языком, компетенциями они должны обладать на выходе. Нагрузки на преподавателей по мере внедрения Болонской системы не только не уменьшились, а, напротив, увеличились. Если, к примеру, в Италии стандартная часовая нагрузка на преподавателя составляет примерно 170 часов в семестр, то в российском варианте она может быть равной и 450 часам, и более. Если нагрузка у преподавателя меньше той, которая соответствует полной ставке, хотя и ненамного, то ему существенно снижают уровень оплаты труда [4]. Подобное «нововведение», во-первых, усилило степень загруженности преподавателей, поставив их на грань возможного, а во-вторых, обострило конфликты и противостояния между вузовскими работниками в борьбе за часы и ставки. Вышло так, что преподаватели сами «лезут в ярмо» непомерной нагрузки, желая, пусть даже таким способом, сохранить за собой приемлемую заработную плату. При этом преподавателям в полном согласии с планами перевода науки в университеты предписывается заниматься научными исследованиями и публиковаться в приличных научных журналах. В подобных обстоятельствах значительная доля публикаций, которые готовят вузовские преподаватели, не дотягивает до приемлемых стандартов. Но можно ли винить их в этом? Вдобавок ко всем этим «новациям» министерство и следующие его предписаниям администраторы взвинтили

объёмы отчётности, уровень ответственности за её предоставление. Надо ли говорить, что в сумме упомянутые реформы привели не к сближению, как предполагалось ранее, а к отдалению от стандартов западного университета. Эта тенденция нашла отражение в научных исследованиях. В частности, А. Олейник отслеживает процесс бюрократизации в одном из ведущих вузов страны – НИУ ВШЭ, который, как он считает, существенно изменил те цели, которые перед собой ставил [5, с. 156–158]. Другое дело, что негативные изменения неолиберального толка происходят не только в России, но и в западных вузах. Однако там они протекают всё-таки в иной форме, рамки ограничены возможностями сопротивления университетской среды, дееспособными профсоюзами, которые, в отличие от российских, способны реально противостоять администрации вузов и добиваться от неё существенных уступок.

Реформы российской науки и образования шли по тем же образцам, что и все остальные преобразования последних трёх десятилетий. Российская наука, пережившая тяжелейший период недофинансирования, была объявлена властями неэффективной, институционально ущербной, устроенной по архаичным принципам концентрации имеющихся ресурсов в институтах Академии наук. Звучали следующие рассуждения: как же так, мы финансируем науку, а реальных её достижений, признаваемых мировым сообществом, не наблюдаем. На справедливые замечания о том, что по уровню финансирования науки Россия находится на 35-м месте, уступая не только лидерам, но и странам с меньшей экономикой, следовал ответ (от вполне благополучных чиновников): не в деньгах счастье, взгляните на Перельмана, выдающийся математик, а ходит в рубище и денег не просит. Российскому научному сообществу продемонстрировали, что с его мнением считаться не будут и что реформы российской науки будут произведены по образцам, которые разработаны без какого-либо участия с его стороны. Альтернативный вариант реформы науки, который создавался в РАН, был отвергнут с порога как «охранительный», затрудняющий радикальные преобразования. Справедливости ради, надо сказать, что идея радикального реформирования некоторыми учёными была поддержана. Они, как и власть, считали, что Академия исчерпала ресурсы развития и что науку следует отпустить в «свободное плавание» в поисках финансирования и благоприятных условий для планируемых исследований. Считалось, что такой вариант создаст условия, в которых утвердит себя принцип честной конкуренции, в которой победит не тот, кто ближе к власти, кто вхож в её коридоры, а тот, кто сильнее и талантливее в научном плане¹.

Наиболее радикальный вариант реформ предусматривал ускоренное перемещение науки в вузы, где она естественным образом соединится с образованием, слившись в единый научно-образовательный процесс. Тот факт, что в вузах, даже ведущих, не создана инфраструктура научных исследований, недостаточно кадров, которые могли бы вести исследования на приемлемом

¹ «Ливанов сделал великое дело». Интервью с Андреем Геймом [Электронный ресурс] // Газета.ru. 2013. 13 августа. URL: www.gazeta.ru/science/2013/08/12_a_5551333.shtml (дата обращения: 03.04.2020).

уровне, рассматривался как малозначимый. Предлагалось действовать по принципу, который исповедовал Бонапарт: надо ввязаться в бой, чтобы понять, каков реальный расклад сил. Однако вместо всестороннего развития вузовской науки последовали те реформы, о которых говорилось выше, не только не усилившие вузовскую науку, а, напротив, значительно её ослабившие. Реформаторы мыслили механически, не понимая и не принимая реальных исторически обусловленных различий между учреждениями образования в России и, к примеру, в развитых странах Запада. А ведь стоило принять во внимание, что большинство российских университетов создавались прежде всего как учебные учреждения, в которых изначально приоритетом была подготовка кадров для народного хозяйства, а наука играла второстепенную роль, обслуживая процесс воспроизводства преподавательского корпуса. Российская вузовская система, родом из советской, не имела в большинстве своём инфраструктуры и кадров, способных вести научные исследования на том уровне, который был необходим для поддержания обороноспособности страны, сохранения ею статуса научной державы.

В этой ситуации парадоксальным и нелогичным выглядит решение российской власти в короткие сроки ликвидировать Академию наук как самостоятельный орган, ограждающий суверенитет науки от любых внешних вторжений – вмешательства в научные исследования со стороны государства или активного освоения «академической территории» бизнесом. «Сакральная» составляющая проекта включала в себя несколько мифологических конструкторов, которые должны были сделать очевидными направление реформы и облегчить её реализацию.

Первым из таких мифов стал миф о глобальной науке, из которого следует, что наука – это всемирное достояние и что все страны, независимо от собственных вложений в неё, находятся в положении «free rider» – свободного от обязательств пассажира, который при желании может пользоваться научными результатами, даже если они получены за пределами его собственной страны. Можно лишь гадать, в какой степени верили в этот миф те, кто выдвигал его в качестве аргумента в пользу реформ. Факт остаётся фактом: и тогда, и сейчас миф о глобальной науке послужил во многих случаях ключевым основанием для того, чтобы редуцировать российскую науку к роли получателя, расположить её в позиции подчинения по отношению к державам-гегемонам.

В новейшей истории накоплено множество фактов, которые решительно опровергают миф о глобальности науки, доказывают, что именно научное лидерство создавало выгодные условия для глобального доминирования одних держав над другими. Научные заделы в области ядерной физики позволили США создать в относительно короткие сроки ядерное оружие, а затем применить его против Японии и в дальнейшем планировать его применение против других своих соперников. Однако проблемы предлагаемой сдачи научных позиций не только в том, что в стране, которая в научном плане оказывается ослабленной, зависимой от других стран, существенно сокращаются ресурсы самозащиты. Не менее важная проблема в том, что в случае, если ситуация будет развиваться по подобному сценарию (а она развивает-

ся в настоящее время именно в этом направлении), в национальной науке нарушается процесс производства и воспроизводства научных кадров, то есть, по сути своей, год от года сокращается круг людей, которые могут и должны понимать текст науки, интерпретировать научные открытия, видеть их последствия, находить для них прикладное применение. Так уже было в недавней российской истории: потеряв кадры учёных, инженеров, исследователей в 90-е годы, вытеснив их из науки в бизнес, а то и за рубеж, страна потеряла доступ к тем уникальным технологиям, которые достались ей в наследство и которые должны были обеспечить безопасность страны в обозримой и далёкой перспективе. На данный момент какие-то из разработок прошлого удалось вернуть к стадии воплощения, но лишь потому, что в российской науке сохранились в остатках кадры, которые не только сами могли освоить послание из советского прошлого, но и подготовить кадры молодых учёных, инженеров, готовых развивать их во благо страны. Такую работу не смогли и не пожелали бы делать те, кто эмигрировал из России и обосновался в зарубежных университетах. Как показали исследования, эти кадры в подавляющем большинстве не желают возвращаться в Россию и в сложившейся ситуации не готовы принять финансирование из России для того, чтобы работать в интересах её научного комплекса.

Миф о глобальной науке архаичен уже потому, что представляет производство научного знания как некий объективный процесс, свободный от субъективных составляющих. Между тем, в основополагающих трудах по проблемам методологии науки – классической работе Т. Куна [6], посвященной парадигмальным революциям, в работах И. Лакатоса – научное производство рассматривается прежде всего как социальный процесс, осуществляемый сообществами учёных, придерживающихся общих научных программ [7]. Науку невозможно уподоблять природному процессу – такому, как морское течение или течение рек, наука делается людьми со всеми вытекающими из этого факта последствиями. И чем меньше сообщество учёных, чем слабее его продуктивный потенциал, тем менее дееспособной становится национальная наука в целом. Легкомысленное отношение к «утечке мозгов» по принципу «пусть, мол, едут, всех не удержишь» приводит лишь к тому, что национальная наука медленно, но верно сползает к периферийным позициям, становится практически во всём зависима от зарубежных научных центров, а далее, если её деградация продолжится, входит в «мерцающую фазу», когда какие-то учёные в стране есть, но реального научного производства нет, или оно совсем вторично.

Ущерб, наносимый «утечкой мозгов», не поддаётся прямым арифметическим расчётам, к чему часто тяготеют некоторые российские управленцы и статистики. Потеряв квалифицированные кадры учёных, невозможно рассчитывать, что образовавшиеся пустоты заполнят заведомо малообразованные выходцы из возрождающих традиционную культуру стран Средней Азии. Речь здесь не о том, чтобы дискриминировать приезжих, отказывать им в возможности строить жизнь в Российской Федерации, если они того желают. Однако нужны два-три поколения, прежде чем из среды бывших мигрантов выйдут талантливые исследователи, экспериментаторы, спо-

собные органично влиться в сообщество учёных. Для того чтобы процесс секулярной ассимиляции, вхождение в науку выходцев из семей мигрантов стали в принципе возможны, необходима соответствующая среда, и, что немаловажно, наукоориентированность не только в среде учёных, но и в обществе в целом. Речь идёт о культурных нюансах, сопровождающих производство и воспроизводство научного знания, которые механистическое мышление российского управленческого класса постигнуть не может, предпочитая вместо него лелеять просвещенческий миф о глобальной науке, давным-давно утративший свою актуальность.

Для того чтобы поставить окончательную точку в дискуссии о глобальности науки, приведём ещё один пример [8]. В Китае предложили зарубежным исследователям, прежде всего исследователям из США, принять участие в программе фундаментальных исследований под названием «Тысяча талантов», запущенной в 2008 году. Наконец-то у Китая появилась возможность не только удерживать собственные научные кадры, но и привлекать в совместные проекты ведущих учёных из других стран. Многие зарубежные коллеги – около 10 тысяч – откликнулись на призыв, получили гранты и начали работать вместе с китайскими учёными. Условия участия были более чем выгодными, и многие из исследователей видели в нём немалую пользу для себя и той научной темы, которую разрабатывали, если бы не жёсткая позиция правительства США. Министерство энергетики США запретило американским учёным, получающим из его бюджета финансирование своих проектов, всякое участие в исследованиях совместно с китайцами. Совместные проекты были однозначно квалифицированы как угроза национальной безопасности США под тем предлогом, что американские учёные в этих исследованиях делятся с китайскими коллегами своими знаниями, наработками, идеями. Прокурор Эндрю Леллинг от штата Массачусетс объявил программу «Тысяча талантов» «тщательно спланированной политикой китайского правительства, направленной на то, чтобы заполнить пробелы в знаниях, имеющих стратегическое значение». Американские учёные, потрясённые подобными обвинениями, старались доказать, что никакого ущерба для американской науки в сотрудничестве с китайскими коллегами нет и что подобная программа идёт на пользу мировой науке, но американское правительство осталось при своём мнении. Американские учёные, желающие продолжить работу в китайской программе, рассматриваются как лица, угрожающие безопасности США, и преследуются в уголовном порядке.

Миф о глобальной науке будет иметь практическую поддержку со стороны ведущей научной державы мира только в том случае, если будет отвечать её стратегическим интересам, а превосходство в области науки рассматривается ею как одно из условий её глобального доминирования. При этом США и другие страны всегда приветствовали и приветствуют выбор тех российских (или китайских) учёных, которые, взвесив все за и против, выберут эмиграцию. Эмигранты из стран Восточного блока и прежде всего из России вносили и вносят огромный вклад в развитие научного комплекса в США или Великобритании, но бессмысленно надеяться, что кадры и открытия потекут в обратном направлении. Если в какой-то момент такая тенденция

наметится, то немедленно будут приняты меры сдерживания. Как справедливо утверждал Найл Фергюссон, наука – это один из тех институтов, с помощью которых коллективный Запад сохраняет своё господство над остальным миром, а там, где речь идёт о господстве, расчёт на равноправие – это мечта, которая, как правило, себя не оправдывает [9].

Сказанное выше не означает, разумеется, что учёные из разных стран не могут сотрудничать, не могут добиваться общих результатов в решении некоторых проблем. Однако глобальность подобного сотрудничества подразумевает наличие у каждой стороны важных ресурсов, которые она может предоставить в обмен на ресурсы своих партнёров. Под ресурсами понимаются не только материальные объекты, но и научная традиция, научный интеллект, креативность, которая пестуется научными школами и порой ценится в научном сообществе не ниже, чем возможность получать большие гранты или доступ к установкам мегасайенс. Нематериальные ресурсы науки кажутся эфемерными, но в реальности именно они обеспечивают базу для продуктивного сотрудничества учёных из разных стран, реализацию ими больших совместных проектов. Научный процесс в измерении международного сотрудничества – это обмен, но для того чтобы он состоялся, необходимо, чтобы стороны, совершающие его, были примерно равными, могли привнести в него нечто такое, что создавало бы новое, эмерджентное научное знание. А это возможно, как ни парадоксально, только в том случае, если каждая из сторон представляет сильные научные сообщества, в распоряжении которых имеются значительные материальные ресурсы, но и, что не менее важно, нематериальные активы, которые ценят и уважают международные партнёры.

Второй миф, лежащий в основе современного проекта реформирования науки, представляет её как неразделимое синкретическое единство объекта и метода. Для современного управленца, как правило, не слишком образованного, всё, что квалифицируется как наука, подпадает под один свод правил, единую политику регулирования. Управленческий разум, кроме того, тяготеет к упрощённой картине мира, в котором нюансы либо отсутствуют, либо настолько малозначимы, что не заслуживают какого-либо обсуждения. Подобный «простецкий» взгляд на науку нередко приводит управляющие инстанции к абсурдным, противоречащим логике решениям, но это в специфическом российском управленческом контексте не считается зазорным и не имеет для принимающих подобные решения лиц сколько-нибудь значимых отрицательных последствий. В доказательство можно сослаться на известное решение об ограничениях на приём иностранцев в вузах и исследовательских учреждениях, предписывающее изымать у зарубежных учёных, посещающих российские научные институты, мобильные телефоны, а также сопровождать их во всех их перемещениях. Эта инициатива вызвала законный протест даже в среде провластных лоялистов, неколебимо поддерживающих любые решения власти. И действительно, как можно вести дело, если в решениях управленцев просматриваются все признаки «биполярного» расстройств. С одной стороны, они настаивают на включении российской науки в глобальное научное производство на правах уче-

ничества, с другой, приказывают держать приезжающих учёных в строгих рамках, несовместимых с принципами сотрудничества и академической свободы. Абсурдное решение было отменено новым министром образования и науки сразу после его вступления в должность в 2019 году, однако научная общественность так и не узнала, кто был автором «драконовской» инструкции и понёс ли он наказание за то, что несуразными распоряжениями причинил серьёзный репутационный ущерб российской науке, унизил статус российского научного сообщества в глазах зарубежных коллег.

Упомянутая инструкция – возможно, самый яркий, но не единственный пример того, как в процессе реформ принимаются решения, идущие вразрез с самой идеей научного поиска. Исходя из понимания науки как единого поля, работающего по единообразным стандартам, Министерство образования и науки РФ вышло с предложением закрепить в директивных документах принцип оценки эффективности труда учёных количеством публикуемых статей, причём наивысший балл предлагалось закрепить за публикацией в системе Web of Science. В этом решении отразилось в полной мере недоверие управленцев сообществу российских учёных: научный результат предлагалось считать значимым только в том случае, если он получал формальное признание зарубежных учёных, прежде всего из США и Великобритании. Принимая это решение, управленцы «проглядели» важный водораздел, пролегающий между естественными и социогуманитарными науками. Выяснилось в ходе обсуждения, что требование публиковаться в первом или втором квартале американской системы индексации научных публикаций Web of Science (Core Collection) для гуманитариев невыполнимо в принципе: в этой системе журналы социального или гуманитарного направления не распределяются по квартилям, а находятся в одной общей категории. На эту особенность обратили внимание учёные Института философии, опубликовавшие по поводу универсальных критериев оценки труда учёных открытое письмо². Оно не прошло незамеченным в других гуманитарных институтах РАН – Федеральном научно-исследовательском социологическом центре РАН, единодушно поддержавшем коллег из Института философии³, в Институте литературоведения, сделавшем собственное заявление, которое в целом по духу совпадало с тем, что было сказано в заявлении философов⁴.

Идея объединить все науки в одной системе оценки находится в непримиримом противоречии с природой современного научного знания, разнящегося в зависимости от дисциплины. Эти различия непрерывно обсуждались в прошлом и обсуждаются в настоящее время в самой науке. Автор «Курса

² Открытое письмо Учёного совета Института философии РАН [Электронный ресурс] // Институт философии РАН: [веб-сайт]. URL: https://iphras.ru/pismo_06_02_2020.htm (дата обращения: 03.04.2020).

³ О поддержке ФНИСЦ РАН Открытого письма ИФ РАН [Электронный ресурс] // Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН: [веб-сайт]. URL: https://www.isras.ru/institute_news.html?id=8731 (дата обращения: 03.04.2020).

⁴ Революция чрезвычайного собрания Института мировой литературы [Электронный ресурс] // Троицкий вариант-Наука. 2013. 5 июля. URL: <https://trv-science.ru/2013/07/05/rezolyuciya-chrezvychajjnogo-sobraniya-instituta-mirovojj-literatury/> (дата обращения: 03.04.2020).

позитивной философии» Огюст Конт считал, что науки различаются двумя свойствами – уровнем генерализации и методом исследования [10]. В основании здания современной науки находится математика, которая оперирует чистыми абстракциями, чуть выше располагается астрономия, изучающая движение небесных тел, затем идёт физика, наука наук, открывающая законы, по которым живёт материя, а далее – химия и биология. Социальная наука, по мысли Конта, находится в отдельной, самой высокой категории потому, что венчает развитие научной мысли, вбирая достижения других наук, ставя их себе на службу. В работах немецкого учёного Вильгельма Дильтея научное знание представлено как дихотомия двух направлений – науки о природе и науки о духе [11]. Науки о природе естественным образом концентрируются на тех законах, по которым живёт материальный мир. Науки о духе имеют предметом самого человека, его бытие и переживания. Различия в науках обнаруживают себя не только в предмете изучения, но и методе, который они используют. Для естественных наук главным исследовательским методом является эксперимент, для социально-гуманитарных – комбинация методов, включающая в себя эксперимент, но не ограничивающаяся только им. Если естественные науки готовы удовлетвориться объяснением изучаемого явления, то социально-гуманитарные науки направлены на то, чтобы добиться его понимания. Объяснение подразумевает построение формальной модели, в которой разные переменные связаны между собой каузальной или вероятностной зависимостью. Понимание же предполагает постижение внутреннего мира человека как самостоятельного субъекта изучаемых процессов, как актора, который способен вносить существенные изменения в систему зависимостей, которые складываются в обществе и тех направлениях, в которых оно эволюционирует. Познание внутреннего мира людей, изучение тех «идеальных типов», которые в нём рождаются, неизменно отправляет учёного в область культуры. Говоря о культуре как предмете науки, немецкий философ Генрих Риккерт писал: «Культурная ценность или фактически признаётся общезначимой, или же её значимость и тем самым более чем чисто индивидуальное значение объектов, с которыми она связана, постулируется, по крайней мере, хоть одним культурным человеком. При этом, если иметь в виду культуру в высшем смысле слова, то речь должна идти не об объектах простого желания (Begehren), но о благах, к оценке которых или к работе над которыми мы чувствуем себя более или менее нравственно обязанными в интересах того общественного целого, в котором мы живём, или по какому-либо другому основанию. Этим самым мы отделяем объекты культуры как от того, что оценивается и желается только инстинктивно (triebartig), так и от того, что имеет ценность блага, если и не на основании одного только инстинкта, то благодаря прихотям настроения» [12, с. 69].

Науки о культуре имеют в качестве предмета исследования не только и не столько сферу общечеловеческого блага, сколько области оценки, направленной на конкретное общество, среду обитания, формируемую языком, психологией, историей, религией, юриспруденцией в её конкретных правоприменительных практиках. Исследования наук о культуре радикальным образом

отличаются от тех предметов, которыми занимаются естественные науки уже потому, что ориентированы герменевтически, развёрнуты в историю, концентрируют в себе понимание изменчивости социального мира. Именно это свойство имел в виду Нил Смелзер, когда утверждал необходимость принятия амбивалентности как неизбежного итога социологической рефлексии [13]. В этих обстоятельствах эффективная социогуманитарная наука будет неизбежно рефлексивна, дискурсивна и, следовательно, пространна в изложении достигнутых ею результатов. Наилучшей формой представления достигнутых ею результатов будет не короткая научная статья, а монография. Именно в монографии у исследователя социального мира появляется возможность полноценно представить логику его или её рассуждений, показать результат во всей его внутренней противоречивости и амбивалентности и таким образом уловить его природу. Для учёного-гуманитария огромное значение имеет работа с историческими артефактами – архивными документами, историческими свидетельствами, работами классиков, сохраняющими свою значимость. Универсальный принцип, возведённый в ранг «сакрального», немедленно столкнулся с теми реалиями, в которых живут науки о культуре. «Присаженный» на российскую почву, он не только не улучшил положение дел, но, напротив, стал провокацией, обострившей и без того существующую в российской науке проблему качества научного исследования, качества тех публикаций, которые сделаны по его результатам. В журналы хлынул поток незрелых, сырых статей, содержащих неизбежные повторы того, что уже было опубликовано, что уже было сказано иными словами, в иных публикациях. Желание принудить российских учёных публиковать статьи в западных изданиях привело лишь к тому, что расцвёл рынок платных публикационных услуг: размещение статей в третьеразрядных западных изданиях на коммерческой основе. Иного и не могло быть, если учесть, что российское общество, исследования, которые ему посвящены, интересны прежде всего российскому научному сообществу, российской аудитории. Претендовать на публикацию в западном издании можно лишь в том случае, если предлагаемый ему материал имеет общий методологический характер или если в нём присутствует сравнительная составляющая, располагающая в одном измерении разные страны, разные общества. Важно принимать во внимание и то, что в западных рецензируемых изданиях каждая статья, даже удачная, проходит длительную процедуру рецензирования, а потом ложится в портфель, поджидая своей очереди. Период ожидания может длиться от года до трёх-четырёх лет, а отчитываться по результатам работы российский учёный должен каждый год, если не чаще.

Настаивая на публикациях в западных изданиях, Министерство образования и науки РФ исходило прежде всего из некой идеальной картины мира, в которой каждая публикация, направленная в серьёзное западное издание, получает реальную объективную оценку. Эту картину способна подпортить транзакционная составляющая, предлагающая рассматривать процесс рецензирования как взаимодействие разных акторов в научном поле. Ни для кого не секрет, что западные научные издания, специализирующиеся в области общественных наук, ориентированы на публикации, в которых отра-

жена специфика жизни в конкретных обществах, проблематика, которая волнует прежде всего западное общество [5, с. 102–109]. То, что происходит в остальном мире, волнует редакцию журнала в значительно меньшей степени. В любых журналах, включая ведущие западные, опубликование статьи – это не только исход объективного рецензирования с положительным результатом, но, помимо всего прочего, ещё и консенсус в отношениях между научными сообществами, многие из которых формируются на основе слабых связей (*loosely organized*), но от этого не стали менее реальными. Публикация в одном из ведущих изданий с высоким импакт-фактором является для многих западных учёных событием, равнозначным принятию в клуб избранных, удачным началом академической карьеры, которое облегчает получение места в университете, улучшает шансы продвижения к возжеленной для учёных в США позиции – *tenure*, а в других университетах – позиции ординарного профессора. В этих обстоятельствах статьи, которые пытаются размещать российские учёные, находятся в заведомо проигрышном положении, а их авторы должны если не полностью отказаться от идеи публиковать свои статьи за рубежом, то идти на серьёзные компромиссы – брать соавтором западного коллегу, который хотя и не сделал ничего для подготовки статьи, но может содействовать её продвижению как носитель академического капитала. Сказанное не означает, что российским учёным социогуманитарных направлений нужно вообще отказаться от публикаций в западных изданиях. Однако эти публикации должны иметь статус не выше того, который получают публикации в лучших российских изданиях.

Как только требование публиковаться в западных журналах получило институциональное подтверждение, возник вопрос о том, что делать с уже существующими в ряде отраслей общественной науки политическими противоречиями между российскими и зарубежными учёными. С точки зрения западного издания, немыслимо, чтобы учёный-политолог, претендующий на то, чтобы опубликовать в нём статью, рассуждал о присоединении Крыма иначе, чем как об акте российской агрессии. Любая амбивалентность, любые нюансы, ослабляющие сложившееся на Западе понимание этого вопроса, будут рассматриваться как серьёзнейший изъян рукописи, достаточный для её отклонения. И это лишь один из примеров того, как работает в подобных случаях идеологический фильтр. Речь идёт не о том, чтобы защищать в исключительном порядке ту позицию, которой придерживается российская власть, в том числе и по крымскому вопросу. Но, не оставляя критической позиции, необходимо принять и то, что научный дискурс, если он действительно научный, не может быть редуцирован к одной-единственно верной точке зрения. Победа идеологии над амбивалентной, противоречивой природой социальной реальности означает закрытие проекта общественной науки как таковой, её неизбежное перерождение. Парадокс заключается в том, что, настаивая на опубликовании трудов российских учёных в западных, главным образом американских или английских изданиях, российское государство поощряет делегитимацию тех решений, которые оно же принимало и принимает в последние два десятилетия, одновременно вводя моду на согласие с любой западной точкой зрения.

Предложение публиковаться на Западе в приоритетном порядке имеет ещё одну неприятную сторону. Выбирая тематику для подобной публикации, оценивая реальность её появления в западном издании, российский учёный, вольно или невольно, останавливается на темах, которые для западной общественной науки являются приоритетными. В дискурсе современной западной науки на первых местах располагаются темы, которые западное, в основном благополучное общество считает важными для себя – гендерные отношения, меньшинства и их эксклюзия, жизнь местных сообществ и некоторые другие. Российское общество находится в ином положении, исследовательская повестка дня в нём, актуальная для социальной науки, – это бедность работающего населения, неравенство, межэтнические отношения, трансформация социальной структуры, включая изменения структуры занятости, теория переходного процесса от реального социализма к рыночной экономике. Тематические приоритеты западной социогуманитарной науки не схожи, а иногда и разнонаправленны к той повестке дня, которой занимаются российские учёные. Важное место в российских исследованиях занимают, к примеру, проблемы региональных различий, идентичностей, которые с ними соотносятся, специфических региональных культур, миграционных процессов внутри России, ослабляющих одни и безмерно усиливающих другие регионы. Но будет ли эта проблема интересна для западного читателя настолько, чтобы он посчитал её достойной внимания и включил её в портфель публикаций престижного национального академического издания? Найдутся те, кто в ответ на этот аргумент немедленно скажут: но ведь есть по-настоящему международные издания, а также издания, ориентированные на *regional studies*. Действительно так, но, во-первых, подобных изданий заметно меньше, чем тех, которые ориентированы на национальную проблематику, а во-вторых, – и это логично вытекает из первого тезиса – ожидание опубликования статьи, если она всё же будет принята, может длиться от одного до трёх-четырёх лет. В этом случае в выгодной ситуации окажутся не те, кто ведёт исследования российского общества, а тот, кто, даже живя в России, ассимилирован в западной науке настолько, чтобы принять её приоритеты, и признаётся западным научным сообществом «периферийным адептом» продвижения западной научной повестки дня. Если российский учёный занимается проблемами гендера или сексуальных меньшинств, то ему получить возможность опубликовать свои статьи в западных журналах будет несравненно легче, чем тем, кто изучает проблемы неравенства в России или тем, кто занимается специфическими аспектами региональных различий, историей русской общественной мысли или изучает современный русский язык.

Третий миф, который как сакральное целеполагание наложен на российскую научную программу, представлен языковой составляющей. Российские учёные, включая тех, кто работает в гуманитарной сфере, стоят перед выбором – печататься на русском языке или перейти на английский как более перспективный с точки зрения отчётности. Многим покажется, что дилемма ложная, ведь в поправках в Конституцию РФ, которые обсуждаются в настоящее время, прямо говорится о том, что русский – это «государ-

ственный язык государствообразующего народа». Но одно дело – решения, которые принимаются в сфере большой политики, другое дело – политика научная. Российских учёных поощряют к тому, чтобы публиковаться за рубежом на английском языке; известным российским научным журналам едва ли не предписывается публиковать наряду со статьями на русском языке статьи на английском. Иногда дело доходит до абсурда: российские учёные или учёные из стран СНГ отсылают в российские журналы публикации на английском языке, понимая, что в сложившейся ситуации они получают ощутимые преимущества перед статьями, которые написаны на русском.

За идеей поощрять публикации российских учёных на английском языке просматривается, казалось бы, здравая мысль «единственного европейца»: подобного рода публикации станут публичной офертой международного сотрудничества, сделают результаты работы российских научных коллективов более прозрачными для зарубежных коллег. Однако у этой идеи есть и другая, оборотная сторона. Если публиковаться на иностранных языках станет выгодно, то это неизбежно приведёт к понижению статуса русского языка как языка науки. Российская наука, стремящаяся стать англоязычной, будет менее привлекательна для научных сообществ в странах ближайшего зарубежья. И, действительно, зачем учить русский язык, если в российских вузах курсы ведутся на английском языке, а российские журналы с радостью принимают англоязычные статьи? Фактически выключенными из научной полемики окажутся российские учёные, не владеющие английским языком или владеющие им не настолько хорошо, чтобы писать на нём статьи. Как бы хорошо ни владели российские исследователи иностранными языками, говорить на них, а тем более писать они будут хуже, чем те, для кого эти языки родные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В российской реформе науки директивные органы пошли по тому пути, который активно продвигали в своих работах два экономиста – Дарон Асемоглу и Джеймс Робинсон [14]. Развивая идеи перуанского экономиста Эрнандо де Сото, они призвали страны, переживающие кризис, брать пример с тех обществ, которые доказали свою эффективность, создали институциональные системы, обеспечивающие поступательное развитие [15]. Но если Эрнандо де Сото выступал за постепенную трансформацию институтов за счёт повышения их прозрачности, то Асемоглу и Робертсон отстаивали наиболее радикальный вариант реформ, состоящий в демонтаже «плохих» институтов и «присаживании» на пустующее место нормативных образцов, доказавших свою эффективность в других странах. Между тем, опыт многих стран, и российский тоже, убедительно показали, что прямое «присаживание» в тех случаях, когда речь идёт о сложных обществах, имеющих длинную историю, рождает длинную череду непреднамеренных последствий, как правило, разрушительных. Истоки российской науки отыскиваются

в европейской истории, в самом своём начале она, безусловно, следовала европейским образцам, но по мере развития в ней возникали собственные институциональные формы, в чём-то схожие с европейскими, а в чём-то отличавшиеся от них. Попытки разрушить до основания, а потом воссоздать с нуля здание российской науки несут в себе угрозу всему её существованию. Российские реформы убедительно показали, что разрушить существующее здание реформаторам по плечу, а вот создать нечто, действительно работающее, в отсутствие несущих конструкций и кадров, совсем не просто, если вообще возможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
2. *Парсонс Т.* Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 269 с.
3. *Кивинен М.* Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России / Пер. с англ. М. Ф. Черныша. СПб.: Академический проект, 2001. 269 с.
4. *Курбатова М. В., Донова И. В., Каган Е. С.* Оценка изменений положения преподавателей российских вузов // Мир России. 2017. Т. 26. № 3. С. 90–116.
5. *Олейник А. Н.* Научные транзакции: сети и иерархии в общественных науках / Пер. с англ. А. Акоюн. М.: ИНФА-М, 2019. 298 с.
6. *Кун Т.* Структура научных революций / Пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 365 с.
7. *Лакатос И.* Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиа, 1995. 236 с.
8. *Barry E., Kolata G.* China's Lavish Funds Lured US Scientists: What did it get in return? [Электронный ресурс] // The New York Times. 2020. Feb. 6. URL: www.nytimes.com/2020/02/06/us/chinas-lavish-funds-lured-us-scientists-what-did-it-get-in-return.html?nl=todaysheadlines&emc=edit_th_200208&campaign_id=2&instance_id=15805&segment_id=21095&user_id=9f5e3b6d32d4479edb946c25374e3cd5®i_id=555443860208&fbclid=IwAR1BqJ_ZnBJqoGkaVDmSl0kRtQjvI6UqfGQJm8Zx6f6Ta0MHI__wtFLa3jU (дата обращения: 03.04.2020).
9. *Ferguson N.* Civilization: the West and the Rest. L.: Penguin Books, 2015.
10. *Конт О.* Дух позитивной философии / Пер. с фр. М.: Либроком, 2011. 80 с.
11. *Дильтей В.* Описательная психология / Пер. с нем. Е. Зайцева. М.: Рипол Классик, 2018. 290 с.
12. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре / Пер. с нем. М.: Республика, 1998. 410 с.
13. *Smelser N.* The Rational and the Ambivalent in Social Sciences // The Social Edges of Psychoanalysis. Berkeley and Los Angeles: University of California Press: 1995. P. 168–196.
14. *Acemoglu D., Robinson J.* Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty. N.Y.: Crown, 2012. 529 p.
15. *Сото де Э.* Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всём остальном мире / Пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2004. 272 с.

Статья поступила в редакцию 01.04.2020.

REFORM OF A RUSSIAN SCIENCE AS AN INSTITUTIONAL CONSTRUCTING

Mikhail F. Chernysh

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS,
Moscow, Russian Federation

mfche@yandex.ru

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.2

Abstract. The article analyzes theoretical and methodological aspects of the ongoing reforms of the Russian science. The reforms are based on a set of ideas (myths) whose implementation was supposed to raise the effectiveness of the Russian science, form its new institutional structure, similar to the structure of science in more developed countries. The “sacral” mythological component of the reforms had no foundation in the traditional practices that had been shaped by the Russian scientific community in its long history. The reforms took no heed of the specific separation of science and education that had historically emerged in Russia helping to concentrate scientific assets in the most promising directions and most effective institutions. The myth of the “global science” stressing intermingling and interaction of scientific projects across the world played its negative role. The universalist project of reforms did not reflect on the basic differences between the “natural sciences” and “sciences of the spirit”. The “sacral” perception of the Western science as an ideal mechanism of selection boosting scientific achievement led to performance measurement indicators that ignored the interests of sciences and researchers in social sciences and humanities. The ongoing reforms are fraught with developments that can weaken the Russian science and its human potential, downgrade its research agenda.

Keywords: Russian science; reforms of Russian science; institutional designing; science policy; governance of science; brain drain.

For citation: Chernysh, M. F. (2020). Reform of a Russian science as an institutional constructing. *Science management: theory and practice*. Vol. 2. No. 2. Pp. 47–64.

DOI: 10.19181/sntp.2020.2.2.2

REFERENCES:

1. Sorokin, P. A. (2006). *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moscow: Astrel publ. 1176 p. (In Russ.).
2. Parsons, T. (1998). *Sistema sovremennykh obshchestv* [The system of modern societies]. Transl. from Engl. L. A. Sedov, A. D. Kovaljov. Moscow: Aspekt Press publ. 269 p. (In Russ.).

3. Kivinen, M. (2001). *Progress i khaos. Sotsiologicheskii analiz proshlogo i budushchego Rossii* [Progress and chaos. Sociological analysis of the past and future of Russia]. Transl. from Engl. M. F. Chernysh. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt publ. 269 p. (In Russ.).
4. Kurbatova, M. V., Donova, I. V. and Kagan, E. S. (2017). Otsenka izmenenii polozheniya prepodavatelei rossiiskikh vuzov [Assessment of changes in the position of Russian University teachers]. *Universe of Russia*. Vol. 26. No. 3. Pp. 90–116. (In Russ.).
5. Olejnik, A. N. (2019). *Nauchnye transaktsii: seti i ierarkhii v obshchestvennykh nauka-kh* [Scientific transactions: networks and hierarchies in the social Sciences]. Transl. from Engl. A. Akopjan. Moscow: INFRA-M publ. 298 p. (In Russ.).
6. Kun, T. (2003). *Struktura nauchnykh revolyutsii* [Structure of scientific revolutions]. Transl. from Engl. Moscow: AST publ. 365 p. (In Russ.).
7. Lakatos, I. (1995). *Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh programm* [Falsification and the methodology of scientific research programmes]. Moscow: Media publ. 236 p. (In Russ.).
8. Barry E. and Kolata G. (2020). China's Lavish Funds Lured US Scientists: What did it get in return? *The New York Times*. Feb. 6. URL: www.nytimes.com/2020/02/06/us/chinas-lavish-funds-lured-us-scientists-what-did-it-get-in-return.html?nl=todaysheadlines&emc=edit_th_200208&-campaign_id=2&instance_id=15805&segment_id=21095&user_id=9f5e3b6d32d4479edb946c-25374e3cd5®i_id=555443860208&fbclid=IwAR1BqJ_ZnBJqoGkaVDmSl0kRtQjvI6UqfGQ-Jm8Zx6f6Ta0MHl__wtFLa3jU (accessed 03.04.2020).
9. Ferguson, N. (2015). *Civilization: the West and the Rest*. L.: Penguin Books.
10. Kont, O. (2011). *Dukh pozitivnoi filosofii* [The spirit of positive philosophy]. Transl. from Fr. Moscow: Librocom publ. 80 p. (In Russ.).
11. Dilthey, V. (2018). *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Transl. from Germ. E. Zajtsev. Moscow: Ripol Classic publ. 290 p. (In Russ.).
12. Rikkert, G. (1998). *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Natural Sciences and cultural Sciences]. Transl. from German. Moscow: Respublika publ. 410 p. (In Russ.).
13. Smelser, N. (1995). The Rational and the Ambivalent in Social Sciences. In: *The Social Edges of Psychoanalysis*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. P. 168–196.
14. Acemoglu, D. and Robinson, J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. N.Y.: Crown. 529 p.
15. Soto, H. de. (2004). *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. Transl. from English. Moscow: Olimp-business publ. 272 p. (In Russ.).

The article was submitted on 01.04.2020.